

Егор Шевелев

Плотное описание в геологии: описать (?) нельзя (?) классифицировать

Не секрет, что зрение занимает знаковое место в режимах производства научного знания. Особенно актуален этот тезис для дисциплин естественнонаучного цикла, в которых визуальность не просто становится базовой метафорой для конструирования истины, но на самом весомом и конкретном уровне выступает рабочим инструментом ученого, инструментом, с помощью которого сканируется, препарируется, фиксируется, анализируется и ретранслируется действительность вещного мира. Специфика требований к зрению изменяется от дисциплины к дисциплине, как, впрочем, и меняется со временем внутри дисциплинарных рамок. Причины этих изменений могут быть самыми разными, от смены господствующих теорий до появления новых приборов и технологий. Соответственно само зрение, будучи рассмотренным как контекстуализированное, конструируемое на пересечении различных практик и дискурсов, оказывается локально специфичным, изменчивым и исторически формирующимся. Локальность эта прежде всего эффект социального. Но помимо этого зрение конституируется также и спецификой того материала, с которым оно работает. Тем интересней и показательней изучать режимы конструирования и эффекты функционирования контекстуализированного зрения в локальных визуальных практиках.

Егор Геннадьевич Шевелев

Южно-российский
гуманитарный университет,
Ростов-на-Дону
egoriy_she@mail.ru

В 2007 г. в ходе полевых исследований в рамках проекта, посвященного профессиональному геологическому зрению¹, мною неоднократно отмечались два способа разглядывания геологического объекта. Оба этих способа, довольно обычные и естественные для геологов, практиковались как студентами разных курсов, так и их преподавателями. Однако они сразу привлекли мое внимание. Первый из них предполагал быстрое рассмотрение объекта и следующее сразу за этим короткое описание увиденного. Например, наблюдатель, держа в руках обломок породы, быстро осматривал его, после чего отбрасывал в сторону и давал короткую емкую характеристику: «известняк белый, органогенно-обломочный». Второй способ предполагал длительный контакт с объектом, всестороннее его осматривание. При этом описание давалось непосредственно в процессе разглядывания, а плотность его была на порядок выше: подключались новые визуальные категории, детализировалось увиденное, язык описания становился менее формализованным, расширялись используемые словари. В то время для меня наиболее интересным был момент переключения между первым и вторым режимами, который оказался связанным с позицией визуального субъекта и отсылал к различным уровням включенности в дискурс, локальным режимам репрезентации увиденного в различных ситуациях, визуальным компетенциям и детализированности визуальных словарей.

Много позже, работая уже с геологическими материалами XVIII в., я вновь вернулся к означенным двум визуальным режимам. И теперь вопрос, который стоит передо мною, звучит следующим образом: каковы условия возникновения и эффекты функционирования режимов *обычного* и детализированного (*плотного*) описания в дискурсе геологической дисциплины?

Визуальность полевой геологии

В полевой геологии роль зрения однозначно определяется как ключевая самими специалистами-геологами. Так, в качестве основной задачи первой же университетской полевой

¹ Междисциплинарный проект, проводившийся факультетом психологии Южного федерального университета (ЮФУ) на базе геолого-географического факультета под руководством Г.А. Орловой и Ю.В. Полова, был нацелен на осмысление места визуальности в практической деятельности геологов и подготовке специалистов-геологов в рамках университетского образования. Проект включал полевую фазу, проводившуюся в 2007 и 2008 гг. во время летних практик студентов-геологов, а также в ходе студенческих геологических экспедиций по Северному Кавказу. Основной массив данных составили транскрипты записей естественной речи геологов и дневники наблюдений, которые велись ежедневно участниками проекта. Полученные результаты были использованы при разработке электронного учебника-тренажера по общей геологии, который реализовывал бы углубленный подход к геологическим визуальным практикам (см., например: [Орлова и др. 2008]).

практики преподаватели геологического факультета называют обучение студентов видению:

Р: Но одно дело знать это все, а другое дело — видеть. То, что он усвоил в течение учебного года, ничего не значит, если он не сможет это увидеть в природе. Вот для этого, собственно, и практика. Вообще для геолога самое главное — научиться видеть все эти штуки (Мержаново 23.06.2007).

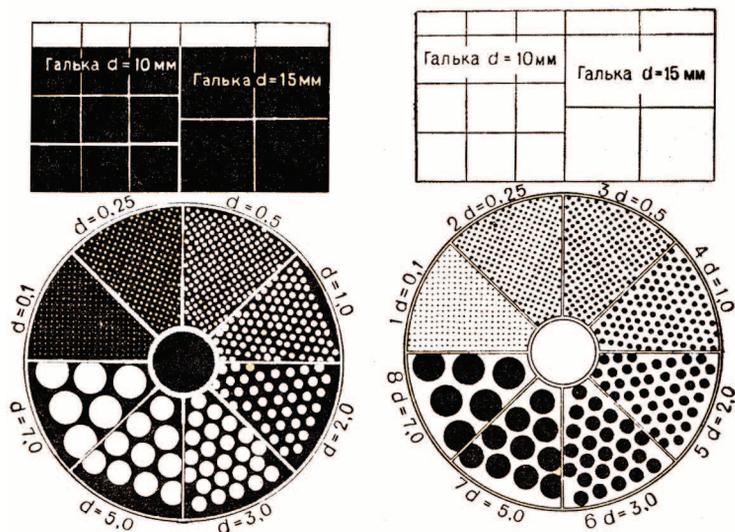
Действительно, зрение, будучи конфигурированным в особых практиках, становится главным исследовательским инструментом в поле. При этом все возможные технические приспособления от различных шкал до фотосъемки и микроскопии — это то, что позволяет конкретизировать или детализировать увиденное, однако все это вторично по отношению к зрительному освоению объекта как таковому.

Позиция наблюдателя в геологии (здесь уместно подчеркнуть то различие, которое вводит между зрителем и наблюдателем Дж. Крэри, определяя последнего как формирующегося на пересечении дискурсивных процессов, техник и технологий зрения, визуальных компетенций, телесных практик и визуальных протезов [Crary 1990]) может быть описана как эффект усвоения внутридисциплинарных правил и конвенций, визуальных словарей, способов производства высказывания, как определенная позиция в дискурсе, некий освоенный набор телесных практик, порядков рассматривания, описания, работы с пространством.

Для описания всего этого многообразия удобно использовать теоретические рамки, предложенные Ч. Гудвином [Goodwin 1996] и характеризующие профессиональное зрение. Он выделяет три базовые категории, в которых зрение приобретает специфическую конфигурацию, — три механизма его функционирования.

Первый — кодировочные схемы. Под кодировочными схемами Гудвин подразумевает всю совокупность способов трансформации визуального материала. Прежде всего, это различные варианты шкалирования. В нашем случае примером кодировочных схем могут выступать шкалы окатанности, диаграммы для определения гранулометрического состава горных пород (ил. 1) и др. Сюда же я отчасти отношу и профессиональные словари геологов, но об этом — ниже.

Второй механизм работы профессионального зрения — высвечивание. По сути, высвечивание — задача выделения некоторой фигуры из фона. Это практически реализуемый навык видения некоторого объекта в общем визуальном строе. Отчасти это результат работы языка, отчасти — телесных и визуальных



Ил. 1. Диаграммы Василевского для определения гранулометрического состава обломочных пород [Попов, Кобзарев 2006: 30]

практик, зачастую не эксплицированных. Так, для того чтобы увидеть в обнажении пород линзу¹, студенту-геологу придется усвоить целую сеть описательных характеристик данного объекта, в том числе в виде схем и рисунков, а также реализовать на практике некоторую степень дифференциальной чувствительности взгляда, выискивая среди множества форм, цветов и линий те, которые однозначно высветят искомый объект.

Наконец, третья область — репрезентация. Если сама по себе репрезентация как демонстрация некоего положения вещей лежит в основе конструирования научной картины мира [Латур 2006], то способы и порядки репрезентации увиденного локально специфичны для различных областей знаний. Нужно заметить, что геологическая дисциплина обладает чрезвычайно обширной сетью репрезентации визуальных данных, от описания до зарисовок, схем и фотографий. Все эти способы определены некоторыми нормами и правилами, а также во многом конституируются локальными и повседневными практиками использования.

Геологический дискурс осуществляет специфическую настройку зрения, определяя то, что должен увидеть специалист, какие условия должны быть соблюдены для такого видения,

¹ Линза в геологии — чечевицеобразная форма залегания горных пород и полезных ископаемых, округлое или овальное тело с уменьшением мощности к краям.

каковы порядки осматривания, пространственное положение наблюдателя, какие инструменты следует использовать для структурирования и описания видимого (см., например: [Лукьянов и др. 2008: 10]). В большей или меньшей степени жестко дискурсивно заданы доступные и необходимые способы репрезентации, среди которых основным для полевой геологии является описание, которое сопровождается составлением стратиграфической колонки и/или зарисовкой, фотографированием, измерениями.

В то же время существует большое число правил и конвенций, которые мало формализованы, частично неэксплицированы, но определяют порядок видения и производства высказывания об увиденном, позицию визуального субъекта, локально специфические техники и порядки зрения внутри конкретных визуальных практик. В частности, в качестве таких конвенциональных порядков выступают обычное и плотное описание геологического объекта.

Плотное описание

Прежде всего, следует оговориться, что аналогия, которая просматривается между термином, которым я обозначаю специфический режим зрения геолога, и *насыщенным описанием*, о котором говорит К. Гирц [Гирц 1997], неслучайна. Несмотря на все различия между культурой и строением земных недр, в плотном (или насыщенном) описании их есть общие черты: наблюдатель ориентирован на локальности, мелкие детали, значимые не столько в некотором стройном теоретическом поле, сколько здесь и сейчас, в непосредственной ситуации наблюдения. Задача работы с контекстом, которую Гирц обозначает как различение миганий и подмигиваний, а также подмигиваний настоящих и мнимых, в геологическом плотном описании выливается в тонкую работу языка и зрения, многократно дифференцирующую видимое, привлекающую для описания метафоры и аналогии, адресующую к уникальности наблюдаемого объекта. Базовое отличие двух режимов зрения геологов, описываемых здесь, состоит в том, что *обычное* описание исходит из общих порядков научной классификации (или, в более общем случае, знания о том, как должно быть), в то время как *плотное* восходит от локальности к общим порядкам, а зачастую и вовсе избегает такого восхождения, концентрируясь на уникальности конкретного объекта.

В простейшем акте разглядывания геологического объекта, который может проходить по двум различным сценариям, свернуто нечто большее, чем просто различие позиций визуального

субъекта (наблюдателя). И это нечто адресует нас к становлению геологической дисциплины как таковой. Можно предположить, что именно второй из описанных режимов — плотное описание — в какой-то момент стал отправной точкой для формирования и становления сложной и разветвленной системы геологического знания.

Для того чтобы понять, каким образом это произошло, прежде следует пристально посмотреть на роль описания как такового в визуальных геологических практиках. Специфика связи между объектом научного исследования и его визуальным описанием в геологии заложена уже на уровне определений в профессиональных словарях¹. Такие определения в большинстве случаев сочетают в себе три компонента: визуальное описание объекта, его внутренние, структурные характеристики, а также генезис. Таким образом, видя какой-либо объект и описывая его, специалист геолог при этом естественным образом классифицирует объект по структурному и генетическому признакам. Само описание при этом носит двоякую функцию: с одной стороны, это локализация некоторого элемента мира, высвечивание его как фигуры на фоне; с другой — утверждение соответствия его определенному классу, для которого характерны некоторые особенности внутреннего устройства и специфические условия формирования.

Интересующие нас в данном случае особенности зрения геолога при описании можно характеризовать в терминах взора и взгляда, введенных М. Фуко в «Рождении клиники» [Фуко 1998]. Взор, который подобен ощупыванию, тактильному контакту, соприкосновению с некоторым объектом, не опосредованному необходимостью на/из-речения, через описание превращается во взгляд, разделенный в коллективном пространстве и становящийся, таким образом, классифицирующим, препарирующим и аналитическим.

В предельном своем варианте описание некоторого геологического объекта должно однозначно определять место того, что наблюдается в системе геологических классификаций. Через работу визуальных словарей в одном уже акте называния сосредоточивается комплексная характеристика. Однако на практике такое описание доступно далеко не всегда. И дело даже не в возможной нехватке компетенций наблюдателя, а в особенностях самого объекта наблюдения. Геологические

¹ Ср., например: «Жила — протяженное в двух направлениях простое тело, образовавшееся либо в результате выполнения трещинной полости минеральным веществом или г. п. [горной породой — *Е.Ш.*], либо вследствие метасоматического замещения г. п. вдоль трещин минер. вещества» [Паффенгольц 1978: 245].

объекты настолько локально специфичны, а условия визуального наблюдения настолько разнообразны, что даже самый опытный геолог далеко не всегда может однозначно определить увиденное. Именно тогда включается режим плотного описания.

По всей видимости, плотное описание стало тем визуальным механизмом, той практикой, которая дала толчок к выходу из лона горнорудного дела геологии как научной дисциплины и исследовательской практики.

Анализируя ранние изображения, относящиеся к добыче полезных ископаемых, созданные до формирования геологии как дисциплины, в сравнении с более поздними геологическими иллюстрациями, мы обнаруживаем важную деталь: первые отличаются от вторых бедностью репрезентации геологического материала. Действительно, прикладные цели горного дела не требуют внимания к многообразию проявлений внешнего вида и других характеристик всего того, что обнаруживается в недрах земли. Важными оказываются диагностические свойства (термин из современной геологии!) узкого круга объектов, представляющих прагматический интерес. Обобщая такие свойства, М.В. Ломоносов в «Первых основаниях горной науки», вышедших в 1742 г., пишет:

Обстоятельное описание минералов предлагается в первой части сея книги, выключая многие химические действия, которым они в химических лабораториях подвержены бывають, ибо оные до металлургии не касаются, в которой требуется только такое познание минералов, чтобы оные один от другого отличить и распознать можно было по собственным их признакам и чтобы те свойства их были показаны, которые горным людям знать должно [Ломоносов 1954а: 367].

В 1763 г. Ломоносов представляет вниманию императрицы амбициозный проект по тотальному описанию минеральных богатств Российской империи. Желая классифицировать все доступные минералы, он предлагает собрать образцы добываемых пород со всех горнорудных заводов, чтобы классифицировать их и описать свойства. Вот как он предполагает делать это:

1) Оных руд не присылать в излишнем количестве, которое не показывает различия пород отменных минералов, а напротив того, не разделять бы кусков, кои надлежат вместе, для показания каких-нибудь рудных свойств, примечания достойных. 2) При посылаемых рудах присовокуплять бы по небольшому куску от самых горы, касающихся жиле, коя содержит оную руду. 3) Пески, глины и камышки небольшие, находящиеся при оных рудных местах,

а особливо с берегов рек и осыпей, присовокупленные к присылке оных руд в небольшом количестве, также будут приятны и с пользою употребляться. 4) Нередко случаются при рудных местах части животных и растущих тел, претворившиеся в камень или в самые руды. Оные служат много к изъяснению минеральной истории и к физической географии; для того приняты будут с удовольствием. 5) Кто из заводчиков рудных дел имеет географические чертежи положений мест, где его заводы, за сообщение оных сочинитель благодарен также будет, затем что они полезны к познанию положения рудных мест в России и для примеров к приску других им подобных [Ломоносов 1954б: 635].

Приводя столь обширный фрагмент сочинения Ломоносова, я хочу обратить внимание на ряд важных моментов, которые здесь находят отражение.

Прежде всего, ставя своим манифестом задачу научного обобщения имеющихся знаний по горному делу, Ломоносов по-новому организует и систему получения этих знаний. Нужно заметить, что попытки обобщающих описаний предпринимались задолго до этого. Однако Ломоносов оказался одним из первых, кто попытался объединить множество геологических локальностей в единую стройную систему. Он проговаривает это, требуя прибавлять к образцам добываемых пород фрагменты скалы, откуда они были взяты, глины и пески, сопутствующие им, образцы растительности, окаменелых животных. Навязывая определенную систему отбора образцов, он, с одной стороны, выстраивает некоторую дисциплину в том смысле, в котором ее понимает Фуко [Фуко 1999], а с другой — транслирует в совокупность локальных практик, где производится знание о Земле, новые порядки визуальности. Если локальное зрение рудознатца настроено на нахождение и узнавание какого-либо полезного ископаемого и определение перспективности его разработки, то требования сбора образцов заставляют его идти от обратного: зрение, подчиненное логике объекта, сменяется зрением, подчиняющим объект своей логике. Это не значит, что до введения подобных требований рудознавец не обращает никакого внимания на пески, сопутствующие искомай породе, или же на растительность, произрастающую в данной местности. Как раз это знание формируется именно в локальных практиках, а умение увидеть совокупность таких факторов выступает как профессиональный зрительный навык. Но, будучи институализированным, такое зрение по-новому выстраивает объект: там, где ранее усматривалась локальная связь, теперь находится предельно обобщенный тезис о связи объекта и контекста его существования, фигуры и фона. И там, где раньше достаточно было узнавания, рождается необходимость описания как способа трансляции

увиденного в общую систему знания. Так через модифицированные зрительные практики, отныне завязанные на центростремительном принципе, конституируется поле интереса новой дисциплины.

Примерно в это же время и в России, и в Европе мощный толчок к развитию получает высшее геологическое образование: первые высшие горные школы в Европе открываются в Остраве (1716) и Фрейберге (1766). Первое высшее горное училище в России учреждено в 1773 г. в Петербурге. Таким образом, геологическое зрение, ориентированное на описание, начинает тиражироваться как универсальный инструмент в отличие от ремесленного локально специфичного зрения рудознатца. Параллельно с этим идет накопление и систематизация геологических данных. Однако жесткая классификация на практике периодически сталкивается с уникальностью конкретного объекта. Очевидно, именно тогда появляются различные варианты описания, первый из которых тяготеет к характеристике того, что увидел рудознавец (краткое классифицирующее описание), второй, менее формальный и в то же время, как это ни парадоксально, более *научный* — к максимально полному описанию увиденного во всех его тонких нюансах с целью передачи некоего образа по цепочке и постепенного распознавания и включения его в систему научного знания. Первоначально же любое описание в рамках централизованной системы сбора информации являлось максимально плотным: во-первых, за неимением единой классификационной схемы, во-вторых, как необходимость трансляции локальных содержаний в общий контекст. По-видимому, именно такая сборка, осуществлявшаяся на уровне контекстуализированного зрения, конституировала дисциплинарный дискурс геологии как науки о множестве изученных локальностей.

Поле как лаборатория: недоступные очевидности

С точки зрения Б. Латура, одной из ключевых особенностей нововременной науки становится система верификации научного знания через очевидность. Иначе говоря, истинным является то знание, которое в определенных условиях проявляет себя очевидным образом и проявления которого доступны для наблюдения любому желающему. Описывая лаборатории, где такое знание конструируется, Латур говорит о некотором пространстве, где люди и не-люди, действуя на равных правах, производят и демонстрируют некоторые доказательства.

Специфика полевой геологии заключается в том, что условия производства знания здесь далеки от лабораторных. И тем не менее, при ближайшем рассмотрении и здесь мы находим

механизмы и процедуры, сходные с теми, что описывает Латур. Так, в ходе полевой практики студенты-первокурсники учатся описывать обнажения пород известняков. В конце дня они приносят собранные образцы в лагерь, раскладывают их в той же последовательности, в какой они чередовались в обнажении, а затем отчитываются о проделанной работе преподавателю, сопровождая описание демонстрацией образцов. То, каким образом куски породы размещаются в пространстве, напоминает педокомпаратор — описанный Латуром ящик с секциями, куда почвоведы помещают образцы почвы с разной глубины, для того чтобы продемонстрировать, каким образом изменяется ее внешний вид и состав. Действуя как способ упорядочивания визуального опыта, такой вариант представления одновременно продуцирует истинность как эффект копирования (естественно, с некоторой адаптацией) визуального строя самого изучаемого объекта.

Вообще тенденция представления природы как одной большой лаборатории еще сравнительно до недавнего времени была весьма характерна и для геологии в том числе. Так, в учебниках начала XX в. можно найти занимательные упражнения, призванные помочь читателю разобраться в тех или иных геологических процессах. Например, процесс складкообразования демонстрируется с помощью брусков с косыми спилами, которые, будучи зажимаемыми в тисках, смещаются друг относительно друга. Или же предлагается отслеживать движение оползня и замерять его скорость путем установки контрольных меток и регистрации их смещения друг относительно друга (см., например: [Вальтер 1938]).

Однако каким образом сделать очевидным уникальный и единственный объект? Такой вопрос встает перед полевым исследователем-геологом всякий раз, когда он сталкивается с чем-то не укладывающимся в классификационные схемы, освоенные им. Ведь нередко объект является не просто уникальным, но еще и труднодоступным. По всей видимости, именно поэтому для геологических дисциплин характерна столь развитая система репрезентации непосредственно воспринятого материала, включающая как описание, так и графические методы.

То, что здесь называется плотным описанием объекта, в этом ряду стоит особняком. Отчасти потому, что не всегда вписывается в институционально установленные рамки. Отчасти же потому, что не позволяет однозначно классифицировать и назвать увиденное, а впрочем, и не стремится к этому. Тем не менее полевые наблюдения показывают, что режим плотного описания активно поддерживается в дискурсе полевой геологии:

[Преподаватель — студенту] *Да ты не пытайся мне назвать, если у тебя сейчас не хватает знаний, не пытайся назвать, ты просто опиши! Вот то, что видишь сам, то и говори, не надо придумывать ничего. Это же просто. Вообще, если тебе попадается что-то про что... Ну если ты не знаешь, как это, что это такое, твоя задача — описать так, чтобы другой человек, который, может быть, сталкивался с этим, может быть, опытнее, может сопоставить там... Чтобы он знал, что ты увидел, подробно нужно описать* (Мержаново 24.06.08).

Представленный фрагмент разговора — объяснения, которые дает студенту преподаватель во время летней полевой практики для первого курса. Сходным образом определяется роль плотного описания и в полевых геологических изысканиях:

Р: Пикетажки¹ хранятся, потому что, если кому-то снова нужно по какой-то причине отправиться в этот район, то он должен представлять, что там увидит. Поэтому очень важно правильно описать, все четко чтобы было. Иногда вообще так сразу в поле и не поймешь, что перед тобой, — тогда нужно просто описать то, что видишь (Никель 23.07.08).

По всей видимости, плотное описание здесь работает аналогично тому, как в лабораториях Латура работала очевидность. Знание о неклассифицируемом объекте (вполне вероятно, что новое знание) в условиях недоступности большому числу наблюдателей транслируется в сеть посредством плотного описания. Очевидность конструируется в работе языка как некоторая освоенность визуально доступной поверхности объекта (при этом само описание балансирует на грани запретов, установленных внутридисциплинарными дискурсивными рамками, и всей широты визуальных словарей, освоенных наблюдателем когда-либо). Тогда высказывание геолога, плотно описывающего некий объект, — это своего рода гипотеза конкретного локального наблюдения, которая, для того чтобы быть подтвержденной и включенной, транслируется в пространство разделенного коллективного взгляда, причем непосредственный образ замещается работой языка, выражающего увиденное в визуальных категориях.

[Студенты во время полевой практики] *В: Ну давай лучше не будем писать, что это, давай просто опишем, пусть Попов скажет. А то так не угадаем, пускай лучше подтвердится* (Мержаново 20.06.2007).

Интересно, что сила этой гипотезы оказывается напрямую связанной с тем, насколько качественно и подробно описан

¹ Журнал полевых наблюдений геолога.

объект. Между тем правила производства высказывания в рамках описания геологического объекта не поддерживают большой их вариативности. Складывается ситуация, когда визуальное описание оказывается на пересечении двух тенденций: с одной стороны, расширенного использования визуального категориального аппарата, с другой — действия запретов на отклонение от стандартного дискурсивного порядка. Особенно заметно это в учебных ситуациях, где на практике происходит овладение ресурсами геологического описания:

А: Ну вот, вот она! Конгерия! Видишь, на купальник похожая... Детский...

В: Ага. Ты это преподам расскажи, они тебе ответят, на что ты похож! (Мержаново 26.06.2007).

Проблема указанного противоречия в каждом конкретном случае может решаться по-разному. В самом общем случае легитимность высказывания будет зависеть от дискурсивной позиции и визуальной компетентности наблюдателя. Там, где один наблюдатель нарушит конвенции производства высказывания, другой получит привилегированное право на детализированное зрение как тот, кто производит новое знание.

Визуальные трансформации

Несмотря на то что начале этой статьи в качестве примера плотного описания и приводится ситуация с рассматриванием куска породы, при внимательном изучении следы его обнаруживаются и в других случаях. Вообще, пытаясь охарактеризовать плотное описание, уместно говорить о некоторой общей практике изменения масштабирования и фокусировки. Дело в том, что аналог плотного описания можно усмотреть на уровне работы как с более крупными, так и с более мелкими объектами. Например, при описании геологического обнажения (выхода пород) наблюдателю предписывается сначала провести общий осмотр обнажения, а затем сделать его детализированное послойное описание. Зачастую то, что уже достаточно включено в систему локального знания наблюдателя, может вообще не описываться. Так, если геологу необходимо описать множество типовых обнажений на маршруте, то в большинстве случаев их характеристика сворачивается до описания так называемой точки наблюдения, когда фиксируется лишь локализация наблюдателя, а затем формально констатируется идентичность наблюдаемого объекта увиденному на маршруте ранее:

50 метров ниже по течению в правом борту реки обнажаются известняки, аналогичные описанным ранее в <...> (Никель 29.07.08).

В то же время обнаружение некоторого объекта, который не может быть однозначно охарактеризован, требует предельной детализации дискурса, перенастройки оптики, комбинации различных масштабов разглядывания.

На маршруте обнаружили странные породы: выглядели как гранит, на кислоту реагировали как известняк. Пытаясь определить, что же перед ними, А пошел обратно по течению, искал пропущенную ранее в обнажениях границу. Потом пытается найти границу в этом обнажении. С Б склонились над самыми камнями, разглядывают зернистость, обсуждают (запись 223). После А встает, говорит: «Ну фиг их знает, будем так описывать» (Дневники, Никель 25.07.2008).

В этом случае все так же возрастает степень детализированности, пространство поверхности объекта в большей мере сегментируется, привлекается большее количество визуальных описательных характеристик. Также в представленном примере хорошо видно, что плотное описание не просто концентрируется на деталях, важным оказывается именно переключение и комбинация зрительных режимов, когда поочередно один слой породы рассматривается как большое тело, показывающее себя сразу в нескольких местах, и как нечто, имеющее специфические структурные и текстурные признаки на микроуровне. Характерно, что все визуальные порядки, составляющие плотное описание по отдельности или в определенной комбинации, являются устойчивыми визуальными стратегиями. Само же плотное описание, хотя и нарушает до некоторой степени стратегический состав геологической практики и является предельно локальным, все же едва ли может быть описано в терминах тактики как некоторого способа сопротивления общему порядку, о котором говорил Бурдьё. Скорее речь здесь может идти о некоторой комбинации визуальных стратегий, которая возникает как ответ на ситуацию неопределенности. То есть плотное описание становится скорее нормативным ответом на сопротивление исходного визуального материала, пытающегося проскользнуть сквозь сетку визуальной интерпретации, сплетающуюся из стандартного набора зрительных оценок, алгоритмизирующих профессиональное зрение в ситуации, которая может быть описана как обычная (стандартное описание).

Сопротивление исходного визуального материала, под которым я подразумеваю его локальную специфичность, преодолевающуюся научными практиками классификации, и есть та отправная точка, откуда через плотное описание конституируется общий порядок геологической дисциплины. Если изначально проектом геологии как науки становится тотальная

классификация, то визуальные практики, выросшие в локальных ремесленных порядках, а затем централизованные и подчиненные единой схеме, раз за разом наталкиваясь на сопротивление исходного визуального материала, постепенно конституируют науку как описательную дисциплину. Классификации не редуцируются полностью, однако оставляют в дискурсе огромное свободное пространство, в котором реализуется локальность визуального строя и подвижность интерпретаций.

Специфика визуального материала задает некий ответ, когда визуальные свойства конституции объекта природы, будучи увиденными (т.е. высвеченными как значимые!), производят перенастройку зрения, и теперь уже в свою очередь визуальные порядки, экстраполируемые дисциплиной на все сходные объекты, производят работу высвечивания, определяя, таким образом, круг интересов науки, конституируя ее дискурс. То есть локальные практики, рожденные при непосредственном влиянии некоторого визуального субстрата, оформившись в дисциплинарных рамках, сами начинают конституировать этот субстрат. Если мы условно разомкнем этот круг (а процесс этот, как было показано выше, непрерывен, поскольку воплощает постоянную борьбу между нормативизирующими усилиями дисциплины и сопротивлением уникального субстрата), то увидим, что первой фазе соответствует плотное описание, а второй — то описание, которое здесь обозначено как «обычное».

Яркий исторический пример того, как может происходить такая трансформация зрения и объекта, связан с творчеством Николая Стено (Нильса Стенсона; см., например: [Гордеев 1967: 145]), датского естествоиспытателя, который, исследуя обнажения известняковых пород, залегающих слоями, еще в 1669 г. обобщил наблюдения, описав принцип, который впоследствии лег в основу стратиграфии как «закон напластования Стено». Согласно этому принципу, вышележащие пласты пород, как правило, являются более молодыми, чем нижележащие.

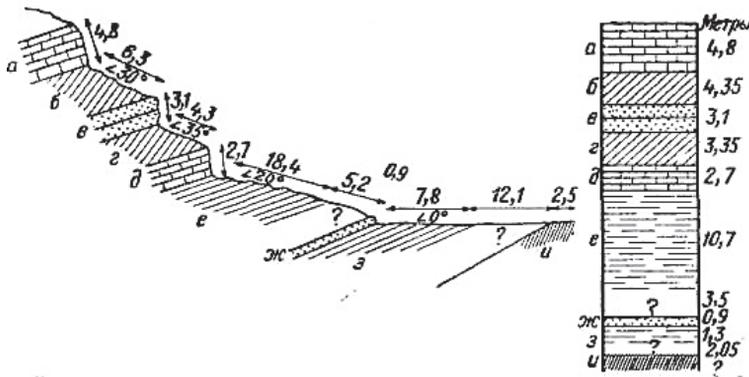
Строго говоря, принцип этот — описание общей модели, выросшее из локальных наблюдений. На практике из-за различных процессов закон Стено нарушается, например, когда геолог встречается со случаями так называемого несогласованного залегания (порядок пород в конкретном их обнажении может сильно отклоняться от предполагаемого с точки зрения логики последовательного образования; это происходит, например, в результате тектонических процессов). Тем не менее принцип Стено на многие годы определил порядок зрения геолога:

[Преподаватель — студентам] *P: Все поняли? А теперь описываем все как видим. Ясно, четко, послоненько* (Никель, 21.07.2008).

Так некоторая исходная характеристика объекта (то, что наивный наблюдатель мог бы назвать «полосатостью») была описана в терминах темпоральности. Подобное описание было принято научным дискурсом, и с этого момента геологический взгляд сам действует в системе координат темпоральности, определяя ее место, детализируя и характеризую ее в каждом новом наблюдении. Темпоральность эта прописана в порядке осуществления наблюдения, который требует описывать геологическое обнажение *слой за слоем снизу вверх*.

Просматривается она и в графических репрезентациях, достаточно сравнить три их типа: зарисовку, которая делается в случае необходимости отображения каких-то уникальных черт объекта; стратиграфическую колонку как способ репрезентации наблюдения более или менее типового объекта и геохронологическую шкалу как репрезентацию научных представлений о времени в геологической дисциплине (ил. 2, 3).

Как видно из иллюстраций, слоистость как репрезентация структуры подвергается все большей степени абстрагирования, в итоге становясь визуальной метафорой времени. Взгляд геолога, подчиненный логике, выращенной из попыток интерпретации «полосатости», теперь уже не только определяет место этой полосатости, но функционирует на пересечении вызова со стороны визуального субстрата каждого конкретного уникального случая, визуальных практик, предписывающих строго определенный порядок описания, и абстрактных представлений о времени, выраженных в метафоре последовательного напластования. Временная перспектива, инкорпорированная во взгляд геолога (мы помним устройство геологического термина, так или иначе через генетические аспекты адресующего ко времени), преодолевает локальный круг ситуаций наблюдения, связанных со *слоями*, и начинает работать в других зонах. Так, описывая геологический взгляд на песок, Дж. Элкинс в своей книге «Как вы пользуетесь вашими глазами» рассуждает о том, как песчинка, проходя длительный цикл изменений и перерождений, сохраняет на себе следы природных процессов, в свое время оказавших на нее воздействие, и в конечном итоге как никакой другой пример способна своим видом убедить автора в возможности существования вечности [Elkins 2000: 181]. Намек на плотное описание, который мы можем усмотреть здесь (обилие знаков, оставленных временем на поверхности геологического тела), вновь подчеркивает различие: в противовес узнаванию времени по следу (обычное описание) пытливый взгляд обнаруживает



Ил. 2. Зарисовка обнажения пород и стратиграфическая колонка [Обручев 1950: 261]

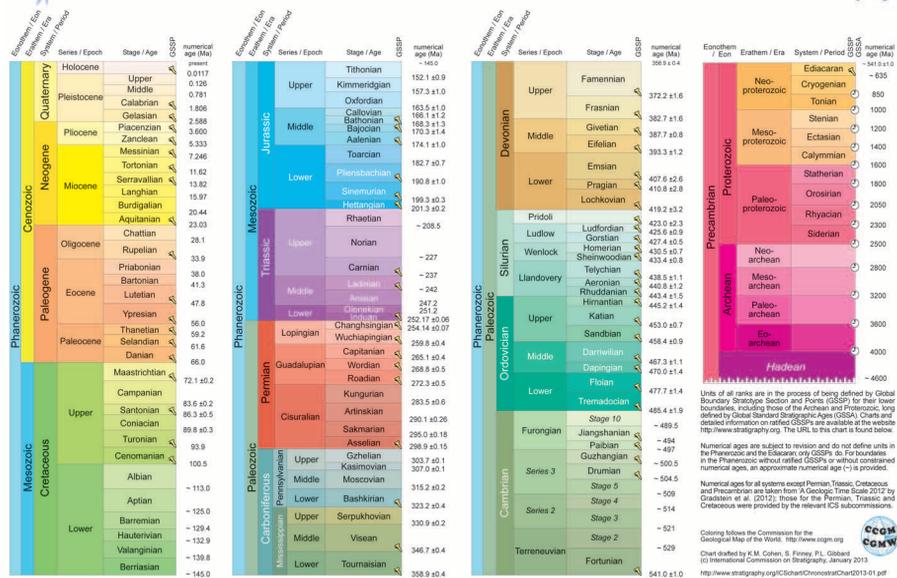


INTERNATIONAL CHRONOSTRATIGRAPHIC CHART

www.stratigraphy.org

International Commission on Stratigraphy

v 2013/01



Ил. 3. Геохронологическая шкала на официальном сайте Международной стратиграфической комиссии [International Chronostratigraphic Chart 2013]

множество следов, которые вместе образуют картину времени как вечности, развернувшейся в последовательности воздействий. И уникальность объекта, подлежащего описанию, во многом исходит из невозможности интерпретации всего множества этих следов.

Итак, увиденное в геологии — это нечто большее, чем индивидуальный зрительный опыт конкретного человека. Примером

того, как увиденное и связанные с этим режимы зрения конструируют дискурсивное поле научной дисциплины, может служить работа плотного описания в визуальных практиках геологии. Помещаясь в позицию наблюдателя, геолог включается в сеть практик, транслирующих его впечатления в пространство коллективного опыта, где знание конструируется на пересечении различных техник, практик и компетенций, тонкой работы языка. Плотное описание возникает на пересечении нормативизирующих и классифицирующих усилий научного геологического дискурса и конституирующего влияния непосредственного визуального субстрата — уникальных геологических объектов. Отношение между плотным и обычным описанием в самом общем смысле соответствует отношениям между узнаванием и рассматриванием уникального объекта. Через плотное описание как реакцию наблюдателя на уникальность объекта наблюдения конструируется особый визуальный порядок, который, будучи воспринятым научной дисциплиной, ретранслируется в визуальные практики и по-новому конституирует объект визуального наблюдения.

Доступный исторический материал позволяет предположить, что в свое время именно возникновение и развитие института ретрансляции индивидуального визуального опыта посредством плотного описания объекта послужило основой для выделения геологической дисциплины в самостоятельную область знания. Справедливо ли подобное утверждение для корпуса естественнонаучных дисциплин в целом — это тема отдельного исследования. Однако очевидно, что локализирующие и контекстуализирующие режимы репрезентации опыта конкретного наблюдателя, центрированные на уникальности объекта, выступают одним из важнейших механизмов поддержания дискурса визуально ориентированного научного сообщества, а само по себе плотное описание увиденного с дальнейшей ретрансляцией образа в научную сеть является особенно эффективным механизмом производства знания в тех случаях, когда наблюдаемые свойства объектов познания значительно варьируются.

Библиография

- Вальтер И.* Первые шаги в науке о земле. М.: Акад. наук СССР, 1938.
- Гириц К.* «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Антология исследований культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. Т. 1: Интерпретация культуры. С. 171–200.
- Гордеев Д.И.* История геологических наук. М.: Изд-во МГУ, 1967. Т. 1.
- Латур Б.* Нового времени не было: эссе по симметричной антропологии. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2006.

- Ломоносов М.В.* Первые основания металлургии или рудных дел // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. и писем: В 11 т. М.; Л.: Акад. наук СССР, 1954а. Т. 5. С. 397–631.
- Ломоносов М.В.* Известие о сочиняемой Российской минералогии // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. и писем: В 11 т. М.; Л.: Акад. наук СССР, 1954б. Т. 5. С. 633–638.
- Лукьянов В.Ф., Бунеев В.Н., Войцеховский Г.В., Коваль С.А., Сиротин В.И., Старухин А.А., Шатров В.А.* Учебная полевая практика по общей геологии на Семилукском полигоне: Учеб. пособие для вузов. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2008.
- [*Обручев*] Справочник путешественника и краеведа: В 2 т. / Под ред. С.В. Обручева. М.: Гос. изд. геогр. лит. 1950. Т. 2.
- Орлова Г., Дрыжакова В., Попов Ю., Пустовит О., Шевелев Е.* Визуальные электронные технологии как средство развития профессиональных визуальных компетенций // Мат-лы науч.-метод. конф. «Современные информационные технологии в образовании: Южный федеральный округ». Ростов н/Д.: ЮГИНФО, 2008. С. 135–137.
- Паффенгольц К.Н.* Геологический словарь: В 2 т. М.: Недра, 1978. Т. 1.
- Попов Ю.В., Кобзарева Ж.С.* Основные методы полевого изучения и лабораторно-аналитических исследований осадочных пород: Уч. пособ. по общегеологической практике для студентов геологических специальностей. Ростов н/Д.: РГУ, 2006.
- Фуко М.* Рождение клиники. М.: Смысл, 1998.
- Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.
- Crary J.* Techniques of the Observer: On Vision and Modernity in the Nineteenth Century. Cambridge, MA: MIT Press, 1990.
- Elkins J.* How to Use Your Eyes. N.Y.: Routledge, 2000.
- Goodwin C.* Professional Vision // American Anthropologist. 1996. No. 3. P. 606–633.
- International Chronostratigraphic Chart // Site «International Commission on Stratigraphy». 2013, Jan. <<http://www.stratigraphy.org/ICSchart/ChronostratChart2013-01.jpg>>.